

Сяо Шань сидел с самого края. Время от времени он приоткрывал дверцу шкафа, чутко прислушиваясь к звукам снаружи.

Внутри царила жуткая, давящая тишина. Смутный шум, доносившийся с улицы, напоминал рассказы папы Мина (Мин-аму) о злой старой ведьме, которая приходит за непослушными детьми.

Цинь-гэру и остальным было невыносимо тесно и страшно, но они не смели издать ни звука, лишь переводили взгляд своих огромных глаз со второго брата на третьего.

Внезапно глаза Сяо Шаня блеснули, и он взволнованно прошептал:

— Это старший брат! Я слышу его голос!

Лу-гэр в тот же миг вскинул голову, в его взгляде мелькнул ужас.

Зато остальные малыши, до этого сидевшие ни живы ни мертвы, радостно затрепыхались, порываясь выбраться наружу.

— Брат вернулся!

Сяо Шнь быстро вылез сам и помог выйти каждому ребенку. Он протянул руки к Лу-гэру, который всё еще сидел неподвижно, обхватив колени:

— Лу-гэр, не бойся, старший брат дома!

Дети уже распахнули дверь комнаты, и голос Е Цзюньшу зазвучал отчетливее.

«Брат...» — Лу-гэр словно очнулся от забытья и позволил Сяо Шаню вытащить себя из шкафа.

Как только Сяо Шань опустил Лу-гэра на пол, тот со всех ног бросился в сени.

— Брат! Брат!..

Едва входная дверь открылась, Цинь-гэр и близнецы кинулись к Е Цзюньшу. Они облепили его со всех сторон, наперебой выкрикивая приветствия и обнимая.

Сяо Шаню тоже хотелось броситься в его объятия, но он помнил, что он — второй брат и должен уступать младшим. Он подошел ближе, преисполненный волнения:

— Брат, ты наконец-то вернулся!

Е Цзюньшу отвечал им, попутно внимательно осматривая каждого. К счастью, кроме испуга, никто не пострадал. Какое облегчение!

Он завел детей в дом и плотно закрыл дверь.

— Брат, да что вообще происходит? Что это были за люди? Ты их знаешь? — Сяо Шань пребывал в полном недоумении. Он не понимал сути дела, не знал, что именно увидел Лу-гэр и почему так сильно испугался, и уж тем более не догадывался, кто ломился к ним в ворота.

— Ничего серьезного, не волнуйся, — ответил Е Цзюньшу, оглядываясь по сторонам. — А где Лу-гэр?

Сяошань покрутил головой и почесал затылок:

— Лу-гэр в комнате. Не вышел.

Цзюньшу передал корзину Сяо Шаню:

— Убери всё на места. Я купил там сладости, раздай братьям. А я пойду к Лу-гэру.

— Хорошо, — отозвался Сяо Шань и позвал: — Цинь-гэр, У-ва, Лю-ва, идемте есть вкуснятину!

Но близнецы не поддались на соблазн. Они повисли на ногах Е Цзюньшу, как две живые гири. Они чувствовали себя обиженными и несчастными, так что даже лакомства отошли на второй план — только объятия брата могли их утешить.

Цзюньшу погладил их по головкам:

— Ну же, будьте умницами, идите к Сяо Шаню, там сладенькое.

После долгих уговоров дети наконец отпустили его и ушли на кухню.

Е Цзюньшу поспешил в комнату:

— Лу-гэр.

Он осмотрелся, но мальчика нигде не было. Лишь дверца шкафа была приоткрыта.

Цзюньшу подошел и распахнул её:

— Лу-гэр?

Мальчик сжался в комок в самом дальнем углу гардероба. Цзюньшу потянулся к нему и вытащил на свет. Подняв его на руки, как в детстве, он принялся баюкать его, приговаривая:

— Всё кончилось, не бойся.

Несмотря на то, что Лу-гэр долго просидел в душном шкафу, тело его было ледяным и мелко дрожало. Он вцепился в ворот рубахи Е Цзюньшу, зарывшись лицом ему в грудь.

У Е Цзюньшу сердце обливалось кровью. Он уже собирался сказать что-то утешительное, как Лу-гэр тихо, прерывистым голосом прошептал:

— Про... сти...

В горле у Цзюньшу встал ком. Перед глазами на миг всплыл образ из прошлого — тот самый хмурый, обремененный тяжелыми мыслями ребенок с тенью в глазах, каким он увидел его впервые несколько лет назад...

Он нежно похлопал Лу-гэра по спине и улыбнулся:

— Наш Лу-гэр самый сильный. Не тревожься и не бойся. Пока старший брат рядом, никто не посмеет вас обидеть. — Он добавил совсем тихо: — Брат обязательно что-нибудь придумает...

Хотя дети и не пострадали физически, испуг был слишком велик. Когда пришел Чжишан, Е Цзюньшу попросил его сбегать к лекарю Суну за успокоительным отваром.

Дома стряслась такая беда, что ему было не до мыслей об учителе. Едва вкратце рассказав Чжишану о состоянии наставника, Цзычжоу целиком сосредоточился на поиске выхода. У него было всего два дня, и за это время он обязан найти способ избежать катастрофы. Отдать Лу-гэра невозможно — разве что через его, Цзычжоу, труп.

Е Цзюньшу помрачнел: неужели придется бросить всё и бежать, чтобы выжить в другом месте? Но дети еще такие маленькие, выдержат ли они долгий и изнурительный путь? К тому же он никогда не покидал пределов уезда Фэнчэн. Если они уйдут из этой родной горной деревушки, куда им податься? Чтобы обосноваться на новом месте, нужны документы с прежнего места жительства. Для людей столь высокого положения и власти достаточно одного слова, чтобы выследить их по всей стране. Где им укрыться?

В голове Е Цзюньшу быстро восстанавливал карту этого мира. Уезд Фэнчэн расположен в глуши, с трех сторон окружен бесконечными горными хребтами. Если бы он был с одним ребенком, возможно, был бы шанс выбраться через горы. Но с такой оравой детей — как он сможет провести их через дремучие леса в целостности и сохранности?

Единственный путь вел в соседний уезд Линьфэн. Линьфэн — важный транспортный узел, откуда дороги расходятся на юг и на север. Если податься на юг, придется идти по прибрежной дороге Линьцзян, где кишмя кишат разбойники. Никаких гарантий безопасности; если наткнутся на бандитов, промышляющих торговлей детьми, он не сможет всех защитить...

Если же пойти на север — там столица, подножие трона Сына Неба. Но это же и вотчина клана Мин. Бежать туда — всё равно что добровольно лезть в ловушку. У них нет покровителей, к которым можно было бы прийти с поклоном. А если этот Второй господин обвинит их в бегстве от правосудия, то во всей Поднебесной им не найдется места, где можно было бы приклонить голову. Он ясно видел: когда сильные мира сего хотят что-то забрать силой, им достаточно любого предложения, а простым людям остается лишь глотать слезы обиды.

Он здесь чужак, и побег с кучей детей на руках — это самый худший вариант. «Спокойно, нужно успокоиться... Я обязательно найду выход лучше».

Дети ничего не знали о произошедшем днем, и Цзюньшу пока помалкивал. Они слишком малы; знание правды принесло бы им только страх и беспомощность. Весь вечер и всю ночь Е Цзюньшу провел в раздумьях, не сомкнув глаз. Небо начало сереть в предрассветных сумерках, снаружи стояла мертвая тишина. Незаметно прошла ночь.

Цзюньшу только хотел прикорнуть хоть на полчаса, как вдруг услышал снаружи тихий шорох. Он мгновенно открыл глаза и сел. В такое время любая странность заставляла его быть начеку. Спрыгнув с кровати, он бесшумно и быстро вышел из комнаты. В слабом утреннем свете он успел заметить лишь маленькую фигурку, скрывающуюся за углом. Лу-гэр? Цзюньшу удивился: почему Лу-гэр встал так рано? Неужели не спалось и он решил пойти на кухню готовить завтрак? Мальчик действительно шел в сторону кухни, но на душе у Цзюньшу было беспокойно. Понимая, что сам всё равно не уснет, он последовал за ним.

Смахнув с лица следы тревоги, Е Цзюньшу вошел в кухню с улыбкой, готовясь окликнуть брата: — Лу-гэ... Ты что творишь?! А ну положи сейчас же!

Подняв взгляд, он увидел ужасающую сцену: Лу-гэр занес большой кухонный нож над собственным лицом. Цзюньшу, обезумев от страха и гнева, выкрикнул команду, в мгновение ока бросился к мальчику, вырвал нож и с силой отшвырнул его в угол. Развернувшись, он наотмашь влепил брату пощечину.

Хлёт!

Звук удара был таким резким, что Лу-гэр застыл как вкопанный, да и сам Е Цзюньшу оторопел. Он был вне себя от ярости — как Лу-гэр мог решиться на такое самоистязание?! Приди он на секунду позже — и прекрасное лицо было бы изуродовано навсегда!

— Тело и кожа дарованы тебе отцом и аму, как ты смеешь так пренебрегать ими?! — в гневе закричал Цзюньшу. — Резать собственное лицо без всякой причины... Разве такими вещами шутят?! Как ты посмотришь в глаза покойным родителям? Как ты посмотришь в глаза самому себе?!

Лу-гэр инстинктивно коснулся горячей от удара щеки. Он долго смотрел на рассерженного брата остекленевшим взглядом, а потом внезапно «ва-а» — и зашелся в рыданиях. Это был крик отчаяния.

Он рыдал навзрыд, сквозь слезы выкрикивая:

— Я не хочу, чтобы вы умирали... Не хочу, чтобы брат умер... Я не хочу погубить вас всех... У-а-а... Я не хочу вашей смерти!..

Лу-гэр плакал навзрыд, его сердце рвалось на части. Образы из снов преследовали его, предвещая, что трагедия вот-вот повторится, насмехаясь над тем, что даже получив второй шанс, он не в силах изменить предначертанное. Всё из-за него! Всё из-за этого лица! Если бы эта внешность не привлекла негодяев, его братья были бы живы, Цинь-гэр был бы жив, а У-ва и Лю-ва не влачили бы жалкое существование. Он — звезда неудач, проклятие! Он сгубил всех своих близких... Если бы только не было этого лица...

В очередной раз вырвавшись из кошмара, он был одержим этой мыслью. Лу-гэр словно обезумел, в голове билось одно: «Изуродую лицо — и всё закончится...»

Увидев Лу-гэра в таком состоянии, Е Цзюньшу почувствовал, как сердце сжимается от боли. Гнев мгновенно испарился. Он присел перед мальчиком, крепко обнял его и принялся успокаивать:

— Не смей говорить такие страшные вещи! Брат здесь, какая смерть? Видишь, я жив и здоров, стою перед тобой. Ну же, маленький, не плачь...

Лу-гэр икал от рыданий, глаза застилала слезы, и он лишь смутно видел очертания лица Цзюньшу. Е Цзюньшу взял руку Лу-гэра, прижал её к своей щеке и тихо сказал:

— Чувствуешь? Она теплая. Лу-гэр, со мной ничего не случится.

Постепенно плач утих, сменяясь редкими всхлипами. Когда мальчик немного успокоился, он вытер глаза и хрипло произнес:

— Прости...

Цзюньшу нежно стер остатки слез с его лица.

— Лу-гэр, что с тобой происходит? Расскажи брату, не пугай меня так, хорошо?

— Я... мне приснился страшный сон...

Цзюньшу внимательно посмотрел на него и стал терпеливо ждать продолжения. Лу-гэр непроизвольно сжал руку брата и, запинаясь, хриплым голосом начал рассказывать:

— Мне снилось, что три года назад я сильно заболел. Болезнь была тяжелой, я пролежал в постели больше полумесяца, и мне не становилось лучше. Чтобы выводить меня, у брата не оставалось времени на У-ву и Лю-ву, и их пришлось отдать в другие семьи... Моя болезнь тянулась до самой зимы. У брата не было времени давать уроки, чтобы заработать на еду, и мы жили в большой нужде... Но всё же жили, нас никто не обижал...

Потом траур закончился, и вскоре пришла весть, что в семье, приютившей близнецов, родился свой сын. После этого жизнь У-вы и Лю-ва стала невыносимой... Брат хотел забрать их назад, но те люди боялись пересудов и не отдавали братьев. Нам приходилось помогать им тайком. В то время брат мечтал сдать экзамен на сюэя, чтобы мы жили лучше, и часто ходил советоваться по учебе... Однажды брат взял меня и второго брата в город... Пока брат ходил по делам, этот Второй господин похитил меня. Второй брат бросился спасать меня, но его ударили по голове, и он умер на месте... ..Брат пытался добиться справедливости, хотел вернуть меня, но судья решил, что второй брат сам виноват — полез на благородного человека, и поделом ему... Брат не нашел помощи и решил идти в столицу подавать жалобу самому императору, но по дороге на него напали разбойники и зарубили мечами...

Лу-гэр до сих пор помнил то надменное лицо и заносчивую гримасу, с которой этот высокомерный Второй господин сообщил ему ту ужасную весть. Его тело била дрожь, глаза покраснели — семена ненависти в его крови и плоти проросли в огромное дерево.

Теплая ладонь легла на глаза Лу-гэра. Е Цзюньшу, слушая его, становился всё спокойнее и спокойнее.

— А что Цинь-гэр?

— ...Брат отправил Цинь-гэра к дяде по материнской линии, но его жена, боясь навлечь на себя беду, самолично отвез Цинь-гэра в поместье Второго господина...

Лу-гэр беззвучно плакал, его губы дрожали:

— Я не знаю, что случилось с Цинь-гэром, знаю только, что через два дня его не стало... А ведь он мог избежать этой участи...

Он так ненавидел! Он не мог простить жену дяди за этот поступок. Даже если он боялся хлопот, мог бы отправить Цинь-гэра в любое другое место, лишь бы он остался жив. Но почему, почему он своими руками отдал его палачу, который уже погубил двоих его братьев...

Больше всего он не мог простить самого себя — истинный источник всех бед. Старшему брату было всего пятнадцать, второму — двенадцать, Цинь-гэру — шесть... Их жизни оборвались, даже не успев начаться.

Из всех братьев в итоге выжили только У-ва и Лю-ва. Хотя семья, усыновившая их, позже тоже испугалась неприятностей и вернула близнецов в деревню Ецзяцунь. Они стали пугливыми, молчаливыми и словно лишились всякого присутствия, но, по крайней мере, остались живы. К счастью, позже нашелся добрый человек, который приютил их, научил грамоте и боевым искусствам — хоть у них всё закончилось хорошо.

Е Цзюньшу медленно прижал Лу-гэра к себе. Он сказал:

— Глупый малыш, сны и реальность противоположны. Посмотри сам: У-ва и Лю-ва не отданы чужим людям, их никто не обижает. Они озорные, сытые и упитанные, иногда даже слишком шумные. Ты не был похищен в городе, Сяо Шань жив, я жив, и Цинь-гэр тоже не умрет.

— Пр... правда? — Лу-гэр не смел поверить.

— Конечно! — Е Цзюньшу посмотрел ему прямо в глаза и твердо произнес: — Верь брату, у нас всё будет хорошо.

Он погладил Лу-гэра по голове, пригладив волосы, доходящие до плеч:

— Впредь не смей делать таких глупостей. Если бы ты изуродовал лицо, это бы только еще больше разозлило тех людей. — В таком случае они бы впали в ярость от унижения, и проблем стало бы еще больше.

Главное же, в эту эпоху, когда малейший изъян во внешности считался уродством, разрушенное лицо означало бы разрушенную жизнь. Как мог Е Цзюньшу допустить, чтобы Лу-гэр до конца дней жил под косыми взглядами окружающих?

Лу-гэр молча кивнул.

<http://bllate.org/book/15226/1355879>